Современные электронные денежные суррогаты: уголовно-правовое значение

ПЕЧЕГИН Денис Андреевич, старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

Россия, 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: crim5@izak.ru

Курсы криптовалют уже долгое время подвержены колебаниям, хотя в последнее время наблюдается их умеренный рост. Оправданна ли такая оценка, является ли она действительным отражением существующего на рынке положения дел и следует ли вкладывать свои деньги в виртуальные валюты в качестве инвестиций, каждый решает самостоятельно. Однако криптовалютам как новому явлению должны быть даны соответствующие правовые оценки.

Основное внимание современных исследователей по данному вопросу обращено к финансовому (налоговому) и гражданско-правовому регулированию криптосферы. Одни ученые полагают, что криптовалюты являются товаром, другие заявляют, что новые сущности необходимо приравнять к деньгам или хотя бы к платежным средствам. Между тем современные технологии позволяют практически беспрепятственно осуществлять виртуальные транзакции без должного контроля со стороны государства. Это связано с правовым вакуумом в регулировании новой криптосферы правоотношений, который в настоящее время особенно характерен для стран с развивающейся экономикой. Лишь некоторые юрисдикции сегодня выявляют подозрительные и не соответствующие законным целям переводы в криптосфере.

Отсутствие должного правового регулирования в криптосфере на национальном уровне и разнообразие мнений по вопросу о природе новых сущностей порождает проблемы в правоприменении, в том числе в уголовно-правовой сфере. На международном уровне США через IRS и FATCA проявляют экстерриториальную активность и задают отраслевые стандарты, а FATF и Евросоюз стремятся разработать универсальные правила регулирования криптосферы с точки зрения противодействия отмыванию денежных средств и финансированию терроризма, однако их акты не обладают всеобъемлющим характером.

Тем не менее существующие противоречия и неясности по вопросу определения гражданско-правовой и финансовой природы современных электронных денежных суррогатов отнюдь не означают невозможность определения их значения для целей уголовного законодательства.

Ключевые слова: криптовалюта, валютное регулирование, денежный суррогат, уголовное законодательство, криптосфера, уголовно-правовое значение современных электронных денежных суррогатов, Германия.

Для цитирования: Печегин Д. А. Современные электронные денежные суррогаты: уголовно-правовое значение // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 65—74. DOI: 10.12737/jrl.2019.7.6

Modern Digital Quasi-Money: Criminal-Law Meaning

D. A. PECHEGIN, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow 117218, Russian Federation

E-mail: crim5@izak.ru

Cryptocurrency rates have long been subject to fluctuations, although recently there has been a moderate growth. Whether such an assessment is justified, whether it is a true reflection of the market conditions and whether investing in cryptocurrencies is up to everyone to decide. However, cryptocurrencies as a new phenomenon should be subject to appropriate legal assessment.

The main attention of modern researchers on this issue is drawn to the cryptosphere's fiscal and civil regulation. Some researchers believe that cryptocurrencies are commodities. Others argue that these

new matters should be considered as money, or at least as means of payment. Meanwhile, modern technologies allow unhindered virtual transactions without proper control by the state. This is due to the legal vacuum in the regulation of the new cryptosphere relations, which is currently exceptionally quintessential for developing countries. Only some jurisdictions nowadays seek to identify suspicious and non-complying with legitimate purposes transactions in the cryptosphere (e.g., Japan, China, USA).

The lack of the cryptosphere's proper regulation at the national level and the diversity of opinions on the nature of new matters create problems in law enforcement, including a criminal law sphere. Although at the international level the United States through the IRS and FATCA show extraterritorial activity and set industry standards, and the FATF and the European Union seek to develop universal rules for the cryptosphere regulation in terms of combating money laundering and financing terrorism. However, their acts are not comprehensive. At the same time, this do not mean that it is impossible to determine their significance for the purposes of criminal law.

Keywords: cryptocurrency, currency regulation, money substitute, surrogates, criminal law, cryptosphere, criminal law meaning of modern electronic money surrogates, Germany.

For citation: Pechegin D.A. Modern Digital Quasi-Money: Criminal-Law Meaning. *Zhurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2019, no. 7, pp. 65—74. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2019.7.6

Введение. Современные электронные денежные суррогаты (криптовалюты, виртуальные деньги), как и новые технологии (блокчейн и др.), все чаще привлекают к себе внимание как юристов-ученых, так и юристов-практиков¹. Новые технологии во многих аспектах и при наличии необходимой инфраструктуры ускорят и упростят жизнедеятельность граждан, работу государственных органов. Однако некоторые из этих новых существностей сегодня используются не только в легальных целях². И хотя на криминальную активность, например, в сети «Биткойн», приходится не более 1% транзакций³, тем не менее из-за растущего значения криптовалют в связи с их

популяризацией в сети Интернет, относительной анонимностью совершаемых с ними транзакций и правовым вакуумом, окружающим криптосферу, следственные и судебные органы все чаще задаются вопросами об уголовно-правовом значении криптовалют, возможности их конфискации или ареста, а равно о порядке совершения процессуальных действий в ходе производства по уголовному делу⁴.

Во многом эта задача может быть решена в том случае, если будет выработана основа для понимания природы современных денежных суррогатов через призму других отраслей права, преимущественно граждан-

¹ См., например: Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // *Журнал российского права*. 2018. № 1. С. 85—102; Кучеров И. И. Слабеющие финансовой безопасности и ее правовое обеспечение // *Журнал российского права*. 2017. № 6. С. 69—79; Пашенцев Д. А. Российская законодательная традиция перед вызовом цифровизации // *Журнал российского права*. 2019. № 2. С. 5—13.

² См.: Трунцевский Ю. В. Цифровая (виртуальная) валюта и противодействие отмыванию денег: правовое регулирование // *Банковское право*. 2018. № 2. С. 18—19.

³ См.: Отчет Chainalysis. URL: <https://forklog.com/bitcoin-vzlomy-birzh-i-darknet>

o-chem-rasskazal-novyj-doklad-chainalysis/ (дата обращения: 27.02.2019).

⁴ Конечно, не следует видеть угрозу во всех криптовалютах. Bitcoin и подобные ему криптовалюты достаточно прозрачны. Отдельные токены стандарта ERC20 обладают крайне низкой ликвидностью, чтобы их можно было использовать в целях отмывания денежных средств, и также отслеживаемы в публичном блокчейне. Вместе с тем существует ряд приватных монет, транзакции которых специально скрыты от глаз общества — они представляют с точки зрения недобросовестного использования наибольший интерес. Подробнее см.: URL: <https://hackernoon.com/2019-privacy-token-review-c28b6ceef637> (дата обращения: 27.02.2019).

ского и финансового права. Вместе с тем обращение к текущим исследованиям в соответствующих отраслях права в связи с анализируемыми в статье явлениями и новыми технологиями не только обнажает проблемы описания их правовой природы с помощью имеющегося в законодательстве и доктрине понятийного аппарата, но также вскрывает пробелы в регулировании, без устранения которых действующий порядок не сможет обладать свойством системности в новых условиях⁵. И речь здесь идет не о том, что вплоть до настоящего момента не определено точное юридическое понятие денег, что, пожалуй, и невозможно в принципе⁶. В действующем регулировании заложены более глубокие противоречия, которые сегодня не позволяют установить четкие межотраслевые связи, столь необходимые в новых криптоотношениях⁷.

Однако имеющиеся сегодня противоречия и неясности по вопросу определения гражданско-правовой и финансовой природы современных электронных денежных суррогатов отнюдь не означают невозможность раскрытия их значения для целей

уголовного права через призму сущностных для данной отрасли категорий⁸. Рассмотрим некоторые из них.

Ущерб. Хищение криптовалюты посредством использования современных технологий и другими способами — весьма распространенное сегодня явление по всему миру. Поэтому важно понимать порядок расчета причиненного потерпевшему ущерба в результате совершения преступления, связанного с криптовалютой (что будет влиять и на квалификацию). И главный вопрос здесь состоит в том, насколько возможно действующий порядок расчета ущерба потерпевшему, например, от хищения применить к новым отношениям? Поиск ответа на данный вопрос приводит к выводу о том, что распространить действующее регулирование на новые отношения вполне возможно с учетом решения некоторых проблем, возникающих в практической плоскости.

Согласно п. 15 постановления Пленума ВС РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» размер ущерба, подлежащего возмещению, может быть определен на основании гражданско-правовых договоров, первичных учетных документов, выписок (справок) по расчетным счетам, информации по сделкам с использованием электронных средств платежа и т. п. При необходимости для определения размера ущерба, подлежащего возмещению, может быть назначена судебная экспертиза. Примечательно, что по этому же пути следует и арбитражная практика (так,

⁵ Подробнее см.: *Stepanov O. A., Pechegin D. A. Legal view on the introduction of new technologies // Russian Law Journal. 2018. Vol. 6. No. 3. P. 149—171.*

⁶ См.: *Seaford R. Money and the Early Greek Mind: Homer, Philosophy, Tragedy. Cambridge, 2004. P. 1.* Лишь в «ОК (МК (ИСО 4217) 003-97) 014-2000. Общероссийский классификатор валют» (утв. постановлением Госстандарта России от 25 декабря 2000 г. № 405-ст) мы находим, что объектом Общероссийского классификатора валют являются валюты — денежные единицы стран и территорий.

⁷ См.: *Kudratov M., Pechegin D. A., Трефилов А. А. Межотраслевой характер категории «ущерб» и актуальные проблемы взаимосвязи гражданского, уголовного, уголовно-процессуального, арбитражного и бюджетного законодательства Российской Федерации // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 2. С. 131—138.*

⁸ См., например: *Трунцевский Ю. В., Сухаренко А. Н. Противодействие использованию криптовалюты в незаконных целях: состояние и перспективы // Международное публичное и частное право. 2019. № 1. С. 41—45.*

в денежном обязательстве может быть предусмотрено, что оно подлежит оплате в рублях в сумме, эквивалентной определенной сумме в иностранной валюте или в условных денежных единицах)⁹. Однако данное регулирование отнесено лишь к предпринимательской деятельности и применительно к уголовно-правовой сфере фактически не касается граждан — физических лиц. Между тем обозначенный подход показателен в том отношении, что суды сегодня (в том числе посредством экспертизы) способны видеть в конкретных транзакциях «валютный след» и исчислять ущерб исходя из курсовой стоимости¹⁰ валюты.

Представляется, что как в случае с иностранной валютой (в рамках предпринимательской деятельности), так и в случае с криптовалютой ущерб по общему правилу должен быть выражен именно в такой валюте (криптовалюте) вплоть до момента его полного возмещения потерпевшему и независимо от курсовых колебаний с указанием эквивалента в национальной валюте на основе судебной экспертизы. Иными словами, если злоумышленник похитил 1 биткойн из криптокошелька потерпевшего, то и вернуть ему он

должен 1 биткойн. Однако поскольку в сети «Биткойн», как и в большинстве криптовалют, нельзя никого заставить что-либо сделать (по крайней мере на данном этапе развития криптоиндустрии), постольку ущерб может быть выражен в национальной валюте с учетом проведенной по этому вопросу судебной экспертизы, а взыскание обращено на имущество осужденного, которому предложено в качестве альтернативы добровольно вернуть похищенный биткойн потерпевшему (подробнее об этом далее). Пожалуй, лишь за исключением случаев, когда есть доказательства, свидетельствующие о намерениях потерпевшего в день совершения преступления обменять 1 биткойн на другую валюту (вывести в фиат) либо приобрести конкретный товар, что не представляет собой нерешаемую задачу в свете развития современных технологий и предлагаемых сегодня изменений законодательства, при принятии которых любое электронное устройство будет регистрироваться за конкретным лицом¹¹.

Предмет преступления (на примере отмывания денежных средств). Другой аспект уголовно-правового значения современных электронных денежных суррогатов заключается в том, что злоумышленники часто используют эти новые электронные сущности при совершении преступлений. Например, современные электронные денежные суррогаты могут выступать в качестве предмета преступления¹² легализации (отмывания) денежных средств, что подтвердил

⁹ См., например, постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 августа 2016 г. по делу А40-198565/15; п. 1, 3, 9 информационного письма Президиума ВАС РФ от 4 ноября 2002 г. № 70 «О применении арбитражными судами статей 140 и 317 Гражданского кодекса Российской Федерации».

¹⁰ В случае с криптовалютой такой сценарий вполне вероятен в том случае, если криптовалюты получают статус валют на законодательном уровне, хотя здесь и понадобятся специальные методики установления их стоимости в тот или иной момент. Вместе с тем, судя по последним заявлениям, криптовалюты в Российской Федерации принято считать иным имуществом. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5c641ff49a79475ad6e4121> (дата обращения: 27.02.2019).

¹¹ Также возможны исключения из данного правила в том случае, если арестованный крипто-«актив» слишком резко теряет свою стоимость и его выгоднее продать (вывести в фиат), для чего может быть проведено отдельное слушание.

¹² См.: Boehm F., Pesch P. Bitcoins: Rechtliche Herausforderungen einer virtuellen Währung. Eine erste juristische Einordnung // MMR. 2014. S. 76.

и Верховный Суд РФ решением от 26 февраля 2019 г., внося соответствующие изменения в постановление Пленума от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»¹³. Примечательно, что в целях противодействия совершению подобных преступлений с использованием криптовалют в ЕС была принята 5-я Директива по борьбе с отмыванием денежных средств и финансированием терроризма (далее — 5-я Директива)¹⁴.

5-я Директива предусматривает определение криптовалют через следующие конкретные признаки: 1) являются цифровым выражением стоимости; 2) не эмитированы или не гарантированы центральным банком страны или государственным органом; 3) не обязательно связаны с законным платежным средством на

территории какой-либо страны; 4) не наделены статусом валюты или денег, но принимаются физическими и юридическими лицами как средство обмена; 5) могут передаваться, храниться и продаваться в электронном виде. В этом же документе определена задача расширения круга обязанных лиц, которые должны сообщать о подозрительных и нетипичных транзакциях, причем не только применительно к фиатным деньгам, но также к криптовалютам. С этой целью до 2020 г. национальное законодательство стран, входящих в состав ЕС, должно предусматривать правила для криптоплощадок и криптобирж, предлагающих гражданам услугу по покупке, хранению и передаче криптовалюты в сети Интернет. Новый порядок будет предусматривать более строгое регулирование деятельности не только таких площадок и бирж, но и майнеров. Все эти субъекты криптоотношений рассматриваются ЕС в числе обязанных осуществлять реализацию положений 5-й Директивы в рамках стандартов KYC (Know Your Customer) и AML (Anti Money Laundering)¹⁵.

Однако в действительности эффективно реализовать все эти задачи 5-й Директивы в полном объеме будет сложно. Пока ЕС пытается ввести ограничения в сфере криптоиндустрии на территории входящих в него стран, субъекты криптосферы расходятся по разным юрисдикциям, открывая свои «офисы» там, где законодательное регулирование криптосферы более лояльное, что, однако, не мешает им предлагать криптоуслуги де-факто на территории любых стран в связи с безграничностью сети Интернет. Это неизбежно приводит к нивелированию любых локальных попыток понизить риски совершения преступлений, связанных с криптосферой.

¹³ Предметом преступления в таком случае будут выступать денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалют), приобретенных в результате совершения преступления (влияние рекомендаций FATF на национальную практику правоприменения). По данным Росфинмониторинга, следователями МВД РФ за 2017—2018 гг. расследовались 104 уголовных дела (27 в 2017 г., 77 в 2018 г.), из которых в суд направлено 51 дело (17 в 2017 г., 34 в 2018 г.). Указанные дела были непосредственно связаны с криптовалютами как средствами расчета за неправомерные действия. URL: <https://www.rbc.ru/society/26/02/2019/5c74f3fa9a7947500e19cd24> (дата обращения: 04.03.2019).

¹⁴ Directive (EU) 2018/843 of The European Parliament and of the Council of 30 May 2018 amending Directive (EU) 2015/849 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing, and amending Directives 2009/138/EC and 2013/36/EU. URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/2018/843/oj> (дата обращения: 01.02.2019).

¹⁵ См.: Engels A. Die 5. Geldwäscherichtlinie im Überblick: Änderungen der Richtlinie (EU) 2015/849 durch Richtlinie (EU) 2018/843 // WM. 2018. Heft 44. Rn. 2073—2074.

Ситуацию усугубляют сервисы, позволяющие сегодня успешно микшировать (смешивать, от англ. — mixer) криптовалюты. Если типичная схема транзакций в системах виртуальных валют предстает в форме Peer-to-Peer, а сама транзакция остается в открытом блоке (фактически оставляя след), то сервисы микширования предлагают любым пользователям сети виртуальных валют за вознаграждение перечислить «грязные» виртуальные средства на новый депозит услугодателя, который из своего резерва (из числа «чистых» виртуальных средств) переведет необходимую сумму клиенту на его новый депозит, причем не целиком, а по частям и различными суммами в целях придания вида легальности таким операциям¹⁶. Причем некоторые сервисы микширования предоставляют пользователю идентификационный номер, который он должен сообщить в случае обращения за новым микшированием (так исключается вероятность получения «своих» средств обратно). Более того, отдельные криптовалюты, такие как DASH, в целом построены на механизме микширования всех своих транзакций¹⁷. Поэтому уже сегодня требуется установить универсальное межгосударственное регулирование криптовалюты. Тогда появится основа для эффективного противодействия криптопреступлениям.

Квалификация (на примере тайного майнинга). Некоторые ученые сегодня выдвигают концепции о том, каким именно образом можно квали-

фицировать совершенные в связи с криптосферой хищения¹⁸ в рамках отечественного уголовного законодательства¹⁹. Однако поскольку криптовалюты так или иначе связаны с использованием информационных технологий, постольку особо значимыми сегодня становятся преступления, совершаемые с помощью компьютерных данных либо против таких данных.

При этом если так называемые традиционные преступления (*mala in se*), совершенные посредством новых технологий, еще более или менее можно подвести под действующее регулирование в сфере уголовного законодательства, то сегодня весьма распространенными становятся новые криптопреступления, не учтенные в национальном уголовном законодательстве. Например, это относится к явлению тайного майнинга, т. е. несанкционированного скрытого использования ресурсов компьютера (сервера) другого пользователя с целью извлечения выгоды в форме потенциально возможного получения вознаграждения за майнинг²⁰. Совершение та-

¹⁸ Сегодня фиксируется много способов хищения криптовалюты. Набирает популярность так называемый SIM-swapping, т. е. подмена сим-карты мобильного средства для обеспечения доступа к двухфакторной аутентификации пользователя на криптобирже (без биометрических данных). URL: <https://forklog.com/haker-ispolzovavshij-sim-swapping-dlya-krazhi-kriptovalyutyna-5-mln-poluchil-v-ssha-10-let-tyurmy/> (дата обращения: 04.03.2019).

¹⁹ См., например: Сидоренко Э. Л. Правовой статус криптовалют в Российской Федерации // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 2. С. 129—137.

²⁰ Примечательно, что майнинг в данном контексте ничем не отличается, по сути, от любого другого действия лица, использующего чужое оборудование без разрешения владельца (в этом случае причиняется такой же вред). Кроме того, далеко не все криптовалюты используют механизм майнинга. Однако злоумышленники исполь-

¹⁶ См.: Wegberg R., Oerlemans J., Deventer O. Bitcoin money laundering: mixed results?: An explorative study on money laundering of cybercrime proceeds using bitcoin // Journal of Financial Crime. 2018. Vol. 25. Iss. 2. P. 423—424. URL: <https://doi.org/10.1108/JFC-11-2016-0067> (дата обращения: 19.02.2019).

¹⁷ URL: <https://hackernoon.com/2019-privacy-token-review-c28b6ceef637> (дата обращения: 04.03.2019).

ких противоправных действий возможно с помощью интегрирования специального скрипта в видеофайл, размещенный на популярном видеоресурсе в сети Интернет. Промо-сайт «зараженного» (в данном случае заражения системы компьютера пользователя не происходит) видеофайла на таком ресурсе открывает для злоумышленника возможность использовать ресурс компьютера пользователя для майнинга криптовалюты без уведомления самого пользователя.

В отечественном уголовном законодательстве не предусмотрена ответственность за подобного рода действия, чего нельзя сказать о других юрисдикциях. Так, за тайный майнинг в Германии может наступить ответственность по § 303а УК ФРГ. Вместе с тем § 303а предполагает, что соответствующий скрипт, использующий ресурс компьютера пользователя без его разрешения, должен быть встроен в уязвленную систему компьютера, т. е. установлен в ней. С учетом развития различных интернет-сервисов и интернет-технологий в подавляющем большинстве случаев такого заражения не происходит. Иными словами, вредоносный скрипт функционирует удаленно, используя ресурсы компьютера виртуально, через интернет-сайты (пока пользователь находится на странице такого сайта). Можно ли такой тайный майнинг квалифицировать по § 303а УК ФРГ — вопрос дискуссионный, хотя немецкий правоприменитель придерживается именно этого пути²¹. Предложенный пример показателен в том отношении, что уже сегодня насущны ана-

лиз и регламентация новых составов преступлений в национальном уголовном законодательстве.

Арест/конфискация. Однако в правоприменительной практике в связи с новыми электронными сущностями и технологиями поднимаются и другие новые вопросы, связанные с порядком обеспечения производства по делу и возмещения вреда, причиненного преступлением. В целом можно представить себе, что в будущем появится механизм, когда арестованный или конфискованный криптоактив по решению суда будет в автоматическом режиме переводиться на специализированный государственный криптокошелек вплоть до окончания судебного разбирательства. Однако здесь возникает несколько проблемных аспектов, а именно: волатильность курса криптовалют и невозможность оперативного реагирования (арест или конфискация предполагают решение суда). Проблему представляет и иной аспект: большинство криптовалют функционируют так, что совершить транзакцию без санкции на то владельца криптовалютного ключа от кошелька принципиально невозможно с технологической точки зрения. Если ключ утерян — криптовалюта утеряна навсегда. Если транзакция совершена — отменить ее невозможно без переписывания истории абсолютно всех действий в системе с момента совершения данной транзакции (что также невозможно без синхронизации действий 51% майнеров в сети, которые ни от кого не зависят и могут находиться в любой точке мира). Можно лишь совершить встречную транзакцию, чтобы переместить криптомонеты с адреса, на который они пришли (а для этого нужно обладать ключом от этого адреса).

Первый аспект выражается в необходимости со стороны правоохранительных органов обеспечить возмещение причиненного преступлением вреда. Вместе с тем курс

зуют те криптовалюты, которые построены на механизме майнинга с целью получения потенциального вознаграждения за скрытые действия.

²¹ См.: Печегин Д. А. Квалификация преступлений, связанных с использованием современных электронных сущностей: опыт Германии // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 4. С. 120—124.

криптовалют постоянно меняется и зависит от степени доверия участников рынка к той или иной криптовалюте. Поэтому если хранение арестованных (конфискованных) криптовалют и представляет определенные сложности с технической точки зрения, то волатильность криптовалют диктует необходимость установления процессуального механизма, раскрывающего в том числе порядок принудительной продажи арестованной (конфискованной) криптовалюты до окончания судебного разбирательства с целью обеспечения гражданского иска и (или) издержек производства по делу²². Такие экстренные продажи могут быть осуществлены в нескольких траншах для минимизации потерь курсовых колебаний, хотя влияние на рынок так или иначе будет присутствовать²³.

Второй проблемный аспект сводится к тому, что отсутствие возможности оперативно арестовать (конфисковать) криптоактивы может привести к их полной утере. Так, биткойн предусматривает, что у пользователя имеются открытый и закрытый ключи. Только с помощью закрытого ключа можно совершить транзакцию биткойна от одного лица другому. Закрытый ключ — набор символов, который в теории можно

написать на листке бумаги или запомнить. Закрытый ключ один. Но его можно скопировать, чтобы передать другим лицам, так же, как копируется строка текста, фотография или любой другой файл. Если кто-то знает этот набор символов, он может совершить транзакцию. Кроме того, возможны multisig-аккаунты, требующие сразу несколько закрытых ключей от разных кошельков для совершения транзакции с какого-то одного кошелька, возможны алгоритмические ограничения на время перевода средств или списываемую сумму. В связи с этим изъятие у лица флеш-накопителя с закрытым ключом может не помешать другим лицам, также обладающим данными о закрытом ключе, получить доступ к системе и перевести криптоактивы на другой кошелек. Поэтому представляется, что правоохранительные органы должны иметь право изымать криптоактивы сразу и переводить их на специализированный государственный криптокошелек с последующим обращением в суд в целях получения санкции²⁴.

Вместе с тем ст. 104¹ УК РФ предусматривает возможность конфискации ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступления. Криптовалюта как иное имущество обладает необходимыми признаками ценностного характера, а судебная экспертиза уже сегодня позволяет провести оценку стоимости криптоактивов и выразить ее в национальной валюте с учетом минимальных и максимальных значений того или иного криптоактива на биржах. При этом согласно ст. 104² УК РФ если конфискация определенного предмета на момент принятия судом решения о конфискации данного предмета невозможна вследствие его использования, про-

²² URL: <https://www.cnn.com/us-government-is-selling-513-bitcoin-and-512-bitcoin-cash-seized-from-dark-web-dealer> (дата обращения: 01.03.2019). Американские власти продали конфискованную криптовалюту, которую злоумышленник получил в качестве оплаты за нелегальный товар, ссылаясь при этом на ее волатильность и дороговизну обслуживая государственного криптокошелька (около 500 долларов США в месяц). Продажа была санкционирована судом. См. решение по делу USA vs. Aaron Michael Shamo по делу № 2:16CR00631 DAK от 12 декабря 2017 г.

²³ URL: <https://happycoin.club/sluzhba-marshalov-ssha-prodaet-bitkoinyina-25-mln-cherez-auksion/> (дата обращения: 27.02.2019).

²⁴ См.: Goger T. Bitcoins im Strafverfahren — Virtuelle Währung und reale Strafverfolgung // MMR. 2016. S. 434.

дажи или по иной причине, суд выносит решение о конфискации денежной суммы, которая соответствует стоимости данного предмета. Поэтому вполне вероятна ситуация, при которой суд с учетом позиций сторон по делу и наличия экспертизы будет принимать решение об аресте (конфискации) имущества обвиняемого (осужденного) на сумму, которая соответствует стоимости криптовалюты, с предоставлением последнему возможности добровольно осуществить криптовалютный перевод на государственный криптокошелек.

Выводы. Криптовалюты и новые технологии во многом связаны с добросовестной деятельностью и технологическим прогрессом, и именно в них состоит основная цель их разви-

тия. Однако криптовалюты и новые технологии сегодня используются злоумышленниками в преступных целях. С их помощью совершаются как традиционные преступления, так и новые криптопреступления. Эффективность противодействия таким преступлениям будет зависеть не только от соответствующего регулирования криптосферы, но также от устранения имеющихся в законодательстве пробелов. Вместе с тем имеющиеся сегодня противоречия и неясности по вопросу определения гражданско-правовой и финансовой природы современных электронных денежных суррогатов отнюдь не означают невозможность определения их значения для целей уголовного законодательства.

Библиографический список

Boehm F., Pesch P. Bitcoins: Rechtliche Herausforderungen einer virtuellen Währung. Eine erste juristische Einordnung // MMR. 2014.

Engels A. Die 5. Geldwäscherichtlinie im Überblick: Änderungen der Richtlinie (EU) 2015/849 durch Richtlinie (EU) 2018/843 // WM. 2018. Heft 44. Rn. 2073—2074.

Goger T. Bitcoins im Strafverfahren — Virtuelle Währung und reale Strafverfolgung // MMR. 2016.

Kudratov M., Печегин Д. А., Трефилов А. А. Межотраслевой характер категории «ущерб» и актуальные проблемы взаимосвязи гражданского, уголовного, уголовно-процессуального, арбитражного и бюджетного законодательства Российской Федерации // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 2.

Seaford R. Money and the Early Greek Mind: Homer, Philosophy, Tragedy. Cambridge, 2004.

Stepanov O. A., Pechegin D. A. Legal view on the introduction of new technologies // Russian Law Journal. 2018. Vol. 6. No. 3.

Wegberg R., Oerlemans J., Deventer O. Bitcoin money laundering: mixed results?: An explorative study on money laundering of cybercrime proceeds using bitcoin // Journal of Financial Crime. 2018. Vol. 25. Iss. 2. URL: <https://doi.org/10.1108/JFC-11-2016-0067> (дата обращения: 19.02.2019).

Кучеров И. И. Слагаемые финансовой безопасности и ее правовое обеспечение // Журнал российского права. 2017. № 6.

Пашенцев Д. А. Российская законотворческая традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 2.

Печегин Д. А. Квалификация преступлений, связанных с использованием современных электронных сущностей: опыт Германии // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 4.

Сидоренко Э. Л. Правовой статус криптовалют в Российской Федерации // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 2.

Трунцевский Ю. В. Цифровая (виртуальная) валюта и противодействие отмыванию денег: правовое регулирование // Банковское право. 2018. № 2.

Трунцевский Ю. В., Сухаренко А. Н. Противодействие использованию криптовалюты в незаконных целях: состояние и перспективы // Международное публичное и частное право. 2019. № 1.

Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1.

References

- Boehm F., Pesch P. Bitcoins: Rechtliche Herausforderungen einer virtuellen Währung. Eine erste juristische Einordnung. *MMR*, 2014, pp. 75—79.
- Engels A. Die 5. Geldwäscherichtlinie im Überblick: Änderungen der Richtlinie (EU) 2015/849 durch Richtlinie (EU) 2018/843. *WM*, 2018. Heft 44. Rn. 2073— 2074.
- Goger T. Bitcoins im Strafverfahren — Virtuelle Währung und reale Strafverfolgung. *MMR*, 2016, pp. 431—434.
- Helleiner E. The Making of National Money. Territorial Currencies in Historical Perspective. New York: Cornell University Press, 2003. 277 p.
- Khabrieva T. Y., Chernogor N. N. The Law In The Conditions of Digital Reality. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 1, pp. 85— 102. (In Russ.)
- Kucherov I. I. Elements of the Financial Security and its Legal Support. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2017, no. 6, pp. 69— 79. (In Russ.)
- Kudratov M., Pechegin D. A., Trefilov A. A. Cross-sectoral nature of the category “damage” and actual problems of interrelation of civil, criminal, criminal procedural, arbitration and budgetary legislation of the Russian Federation. *Russian journal of legal sciences*, 2018, no. 2, pp. 131— 138. (In Russ.)
- Pashentsev D. A. Russian Legislative Tradition before the Challenge of Digitalization. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 2, pp. 5—13. (In Russ.)
- Pechegin D. A. Qualification of crimes related to the use of modern electronic entities: the experience of Germany. *Russian journal of legal sciences*, 2018, no. 4, pp. 120— 124.
- Seaford R. Money and the Early Greek Mind: Homer, Philosophy, Tragedy. Cambridge, 2004. 370 p. (In Russ.)
- Sidorenko E. L. The legal status of cryptocurrencies in the Russian Federation. *Economics, taxes & law*, 2018, no. 2, pp. 129— 137. (In Russ.)
- Stepanov O. A., Pechegin D. A. Legal view on the introduction of new technologies. *Russian Law Journal*, 2018, vol. 6, no. 3, pp. 149— 171.
- Truntsevsky Y. V. Digital (virtual) currency and anti-money laundering: legal regulation. *Banking law*, 2018, no. 2, pp. 18— 28. (In Russ.)
- Truntsevsky Y. V., Sukharensko A. N. Combating illegal use of cryptocurrency: the status and prospects. *International public and private law*, 2019, no. 1, pp. 41— 45. (In Russ.)
- Wegberg R., Oerlemans J., Deventer O. Bitcoin money laundering: mixed results?: An explorative study on money laundering of cybercrime proceeds using bitcoin. *Journal of Financial Crime*, 2018, vol. 25, iss. 2, pp. 419— 435.